

УДК 821.161.1.09

В.А. ГУСЕВ,
*доктор филологических наук,
профессор кафедры зарубежной литературы
Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара*

ЧЕЛОВЕК И ГОРОД В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

Рассматривается, как изображён город в русской литературе 2-й половины XIX – начала XX в. в соотношении с деревней. Прослеживаются основные тенденции развития этой темы.

Ключевые слова: город и человек, город и деревня, город и усадьба, противоречия эпохи, позиция писателя.

Картини жизни большого города значительного места в русской прозе второй половины XIX века не занимали. Несмотря на перемены, которые несли реформы 1860-х гг., в России не произошла дезинтеграция традиционного общества, были слабо развиты либо вообще отсутствовали многие политические, правовые, религиозные элементы буржуазной цивилизации, что, в частности, находит отражение и в том, как изображён город в литературе этой поры. В Западной Европе город был воплощением буржуазного хозяйственного уклада, являясь прежде всего экономическим и культурным центром. Определяя дефиницию города, Макс Вебер отмечает: «город в понимаемом нами смысле есть **поселение**, в котором действует рынок» [7, с. 310]. В русском общественном сознании город предстаёт в двух основных своих ипостасях – как олицетворение государственности, политической структуры, утверждающей диктат звания и чина («История одного города» М. Салтыкова-Щедрина), и как воплощение торгашеских отношений, власти денег, бесовской суеты, губящих человеческую душу (повести петербургского цикла Н. Гоголя). И то и другое не совпадало с традиционными представлениями об истинном предназначении человеческой личности и вступало в противоречие с ценностями патриархально-общества.

В Европе буржуазия утверждалась в городе, он был её цитаделью. В России же общественное мнение к буржуазии было враждебно, и эта враждебность часто переносилась на городскую цивилизацию. Русский купец, находясь между высшими классами и народом, не объединял их, а существовал где-то в стороне, был явлением маргинальным. К. Аксаков, говоря об изображении купеческого быта в комедиях А. Островского, отмечал: «...отделённое своим положением, как особое сословие с правами, от простого народа, купечество является, в этом смысле, сословием замкнутым, древний русский быт становится в нём неподвижен, каменеет и уже по этому самому перестает быть верен себе» [1, с. 231]. То есть житель города, купец и чиновник, решительно причисляется К. Аксаковым к «отрешённой от народа цивилизации».

В известном смысле городским писателем является Ф. Достоевский. Сюжеты всех его романов разворачиваются в городе, но и в них городская среда скорее враждебна человеку. Приведём ставший уже хрестоматийным пример. В первой части «Преступления и наказания» (1866) изображён Петербург, но не его дворцы и проспекты, а чердаки и подвалы. Самые трагические и впечатляющие эпизоды романного сюжета разыгрываются имен-

но здесь – в трактирах, распивочных, на душных улицах и грязных площадях. Раскольников перед убийством почти задыхается в каменном мешке домов. Описания мрачных дворов, грязных и тесных комнат, вонючих лестниц соотносятся с болезненно мрачным состоянием центрального персонажа романа. Даже действительно красивые кварталы Петербурга вызывают у него сложное «дикое и чудное» настроение: «Необъяснимым холодом веяло на него всегда от этой великолепной панорамы; духом немым и глухим полна была для него эта пышная картина» [9, т. 5, с. 110]. Повседневные факты жизни города, составляющие социально-бытовой план романа, многое объясняют и определяют в характерах центральных персонажей. Здесь, среди городского люда, Раскольниковым овладевает его страшная идея, а избавляется он от неё только на каторге, видя бесконечно широкий степной простор: «Там, в облитой солнцем необозримой степи, чуть приметными точками чернели кочевые юрты, там была свобода и жили другие люди, совсем не похожие на здешних, так как бы самое время остановилось, точно не прошли ещё века Авраама и стада его» [9, с. 518]. Стеснённость, духота, неестественная скученность городской жизни противопоставляется свободной жизни природы и людей, находившихся в гармонии с ней. Г. Гачев, говоря о Космосе Достоевского, отмечает, что в нём нет места природе. Он полагает, что писателю было необходимо это отлучение человека от природы, чтобы «накоротке замкнуть людей друг на друге» и высветить душевные движения своих героев, усилить то, что связано с жизнью человека и судьбой человечества. «Город ему нужен принципиально, чтобы очутить человека без иных родственников в бытии, кроме себе подобных; только род людской есть родня ему, а не природа, – и поэтому у него монотема: человек и судьба человечества в вакууме безжизненья на чужбине вещества» [8, с. 380]. Эта оценка в целом справедлива: Петербург – действительно художественный центр романа, однако в конце концов писатель уводит своего героя от мрачных домов, тесных комнат, грязных лестниц и спёртого воздуха в мир природы, где, кажется, становится возможным обретение внутренней гармонии. Там, на сибирской каторге, и воскресает Раскольников для новой жизни.

В русской литературе «город производителей» (М. Вебер) почти не представлен, хотя во 2-й половине XIX в. всё больше публикуется очерков, насыщенных точными экономическими, социально-бытовыми и географическими сведениями, статистическими выкладками. Пожалуй, исключение составляют «Нравы Растеряевой улицы» (1866) Г. Успенского. Здесь представлены неприглядные картины жизни кустарей-ремесленников, мелких торговцев и чиновников. Перед читателем предстаёт своеобразная портретная галерея растеряевских типов. Одни из них сумели повернуть сложившиеся обстоятельства в свою пользу, другие же стали жертвами этих же обстоятельств. Но в любом случае «честному разумному счастью здесь места не было» [т. 1, с. 70]. Русский «город производителей», где человек раздавлен неподвластными ему обстоятельствами, над которыми он не может подняться и уйти от повседневной «прижимки», в «Нравах...» выглядит угнетающе, хотя ни с деревней, ни с усадьбой он в этом цикле очерков не соотносится.

Картины жизни трудового люда возникают и в «Павловских очерках» (1890) В. Короленко. Основные вопросы, занимавшие писателя на рубеже 1880–90-х гг., были связаны с бурным развитием капитализма в России и его постепенным проникновением в деревню. Собственно, «Павловские очерки» посвящены именно этой проблеме. В народнической литературе приволжское село Павлово с его старинными кустарными промыслами являло собой пример патриархального ремесленнического уклада, не «испорченного» новыми, капиталистическими порядками и сохранившего характер народного производства. Однако автор «Павловских очерков» увидел здесь иное. Короленко показывает безотрадную жизнь павловских кустарей, их невероятно тяжёлый труд, рабскую зависимость от хищнической «скупки». При этом, замечает писатель, «нигде в мире не сохранился прежний характер наших старинных городов и пригородов, как в этом кустарном селе <...>. Чем-то древним веет на вас в этих узких и кривых улицах, от этих мрачных палат, от этого резкого деления на “бедноту” и “богатеев”, которое вы встречаете здесь на каждом шагу. Так и кажется, что попал в семнадцатое или даже шестнадцатое столетие...» [13, с. 45–46].

Город представляется отрешённым от народной культурной традиции и от великой нерукотворной природы. С. Фатеев в этой связи заметил, что в разработке темы «человек и город» ясно проявился своеобразный славянский руссоизм: «противоречивый, ориенти-

рованный на поиск компромисса или гармонии между городом и деревней, человеком и городом, это удалось разве что Льву Толстому» [20, с. 157]. Согласиться с последним трудно. Мы находим у Л. Толстого изображение города прежде всего как исковерканной, искажённой природы. Скажем, «Воскресение» (1899) открывает такого рода описание городской весны: «Как ни старались люди, собравшись в одно небольшое место несколько сот тысяч, изуродовать ту землю, на которой они жались, как ни забивали камнями землю, чтобы ничего не росло на ней, как ни счищали каждую пробивающуюся травку, как ни дышали каменным углём и нефтью, как ни обрезали деревья и ни выгоняли всех животных и птиц, – весна была весною даже в городе» [18, с. 7]. Нагромоздив камни, горожане уничтожили живую природу. Город противоположен, как и всё то, что делают его обитатели. Например, в XII главе романа описывается постройка огромного дома «в каком-то сложном стиле» [18, с. 247], на который, уверен Нехлюдов, только попусту тратится труд. Здесь, в городе, вчерашним землепашцам приходится «строить этот глупый ненужный дворец какому-то глупому и ненужному человеку, одному из тех самых, которые разоряют и грабят их» [18, с. 248]. Вся городская цивилизация представляется в романе как ложная, уводящая человека от его истинного предназначения. А воплощена она в безобразно огромных каменных постройках и бессмысленной людской толчее больших городов. Трудно судить из толстовского описания, красив ли дом «в сложном стиле», – для писателя это не важно, а важно то, что он воплощает городскую цивилизацию, искусственную и порочную. Ведь на труды праведные не построить хоромы каменные. Само по себе воссоздание архитектурного облика города не представляется Л. Толстому необходимым, хотя в «Воскресении» немало чисто описательных страниц. Упоминание о каком-то сложном стиле огромной постройки лишь создаёт иронический подтекст, усиливающий публицистическую направленность суждений героя. Такое изображение характерно для творчества писателя в целом. В «Анне Карениной» (1877) есть тщательно выполненное и очень выразительное описание вокзала и прибывающего поезда, однако оно не включено в целостную картину города, её попросту нет в романе, как и в других произведениях писателя. А отсутствует она уже хотя бы потому, что городской уклад жизни не представляется Л. Толстому сколько-нибудь самостоятельной ценностью, а его нравственные изъяны кажутся очевидными.

Такое отношение к городу, конечно, не является отличительной чертой только русской литературы XIX в. и характерно для европейской позднеромантической традиции в целом. Противопоставление вечности крестьянского существования неустойчивости, призрачности современной городской цивилизации присуще, скажем, О. Шпенглеру. Обитатель большого города представляется ему «новым кочевником», оторванным от вековой традиции; горожанин, «возникающий в бесформенной флюктуирующей массе, – человек фактов, иррелигиозный, интеллигентный, бесплодный, исполненный глубокой апатии к крестьянству (и к его высшей форме – поместному дворянству), следовательно, чудовищный шаг к неорганическому, к концу» [22, с. 165]. Философ утверждает: «Крестьянский дом в соотношении с типом любой истории искусства “вечен”, как сам тип крестьянина» [22, с. 24]. Этот «породистый дом» будет перенесен в город, но там он вскоре трансформируется, поскольку бюргерство уже не имеет метафизической творческой силы, «оно продолжает творить орнамент, но не здание как орнамент» [22, с. 26]. Бюргер не испытывает потребности в чистых отвлечённых формах, не создаёт готических соборов, всецело подчинённых идее устремлённости ввысь, а строит, по определению Л. Толстого, дома «какого-то сложного стиля». Зодчество превращается в «художественную промышленность» [22, с. 26], т. е. совершается переход от истинной и мощной земледельческой культуры к ущербной городской цивилизации. Такое видение двух культур обнаруживается в западноевропейском искусстве, однако в русской литературе их противопоставление проступало чрезвычайно ясно и рельефно.

Противопоставление города истинному ладу народной жизни характерно для прозы писателей-народников. Скажем, в романе Н. Златовратского «Устои» (1883) именно из города в деревню, дедовское гнездо, возвращается Пётр Волк и разрушает старый жизненный уклад. Совершенно непонятен и враждебен горожанин «артистичному» крестьянину Ивану Ермолаевичу, герою цикла очерков Г. Успенского «Крестьянин и крестьянский труд» (1880). Вместе с тем, как полагает писатель, именно из города приходит «русский образо-

ванний человек», который мог бы помочь крестьянину выбраться из нищеты, разрешить существующие социальные противоречия и создать «крупное общинное хозяйство, в котором бы не было людей, не имеющих право на хлеб» [19, с. 96]. Поэтому и в городе можно найти спасение. Так показан путь в город Михаила Лунина в повести С. Каронина (Н. Петропавловского) «Снизу вверх» (1886). Уход Лунина из деревни Ямы, где жизнь ему представлялась хуже каторги, показан как единственно возможный для него выход. Михаил ясно видит несправедливость и ограниченность сельского «мира», рабскую пришибленность сознания большинства его членов. Однако писатель отмечает и отрицательную сторону разрыва своего героя со старой общинной моралью: «Правда, совесть, руководящие чувства и мысли – ничего он не взял из деревни, где живут же чем-нибудь люди» [12, с. 446]. Надо сразу отметить, что город в народнической прозе показан весьма схематично, его картины, характеры его жителей не воссозданы, а скорее лишь упомянуты, обозначены как своеобразный негативный нравственный полюс бытия.

Такого рода противопоставление городской цивилизации жизни деревенской, крестьянской, близкой природе сохраняется в русской литературе вплоть до начала XX века. Скажем, город показан глазами крестьянина и в рассказе «Тоска» (1886) А. Чехова, писателя, казалось бы, далёкого от поместной дворянской культуры. Читатель воспринимает город так, как его видит ночной извозчик, недавний выходец из деревни.

В чеховском рассказе город предстаёт как чрезмерное скопление людей с неестественно напряжённой ночной жизнью. Так его видит Иона Потапов, у которого здесь, в городе, умер сын. Безумие городской суеты заставляет задуматься даже его лошадь: «Кого оторвали от плуга, от привычных серых картин и бросили сюда, в этот омут, полный чудовищных огней, неугомонного треска и бегущих лошадей, тому нельзя думать» [20, с. 326]. Огромный город собрал на своих улицах самых разных людей, но каждый занят своим делом, торопится, стремится к какой-то своей цели: «Бранится кучер с кареты, злобно глядит и стряхивает с рукава снег прохожий, перебежавший дорогу и налетевший плечом на морду лошадёнки. Иона ёрзает на козлах, как на иголках» [21, с. 327]. Людей много, даже слишком много, но все отделены друг от друга как бы незримой стеной, через которую не докричаться до человека, и некому разделить горе Ионы Потапова. Герой одинок среди толпы, и опять А. Чехов подчёркивает момент бессмысленного движения людской массы: «Глаза Ионы тревожно и мученически бегают по толпам, снующим по обе стороны улицы: не найдется ли из этих тысяч людей хоть один, который выслушал бы его? Но толпы бегут, не замечая ни его, ни тоски» [21, с. 329]. Человек в городе отдалён от других людей, самого естества природы, и не случайно своё горе Ионе удаётся излить только лошади. Чеховские горожане так же отчуждены друг от друга и далеки от нравственной нормы, как городские жители в романах Л. Толстого и Ф. Достоевского.

Иона – крестьянин, его неприятие города естественно, но так же к городскому укладу жизни относится и коренной горожанин Мисаил Полознев («Моя жизнь», 1895). Большая Дворянская улица, на которой вырос Мисаил, красива, особенно весной, когда из-за заборов и палисадников «нависали акации, высокие кусты сирени, черёмухи, яблони» [21, с. 197]. Герой повести привязан к своему городу, но не понимает и не принимает уклад его жизни: «Я любил свой родной город. Он казался мне таким красивым и тёплым! Я любил эту зелень, тихие солнечные утра, звон наших колоколов; но люди, с которыми я жил в этом городе, были мне скучны, чужды и порой даже гадки. Я не любил и не понимал их» [21, с. 205]. В провинциальном городе отношения людей лишены теплоты, обычаи неразумны и негуманны, дома некрасивы: «У фасада упрямое, чёрствоное выражение, линии сухие, робкие, крыша низкая, приплюснутая, а на толстых, точно сдобных трубах непременно проволочные колпаки с чёрными, визгливыми флюгерами» [21, с. 198]. И таких домов в городе большинство, именно они определяют его облик. Вместе с тем в «Моей жизни» город не представляется некоей социальной машиной, производящей враждебную человеку реальность. Виноваты сами люди, которые и в городе, и в деревне не могут устроить жизнь на разумных началах.

У Чехова нет противопоставления гармоничного крестьянского мироустройства городской цивилизации, что верно отметил ещё Н. Михайловский. Он полагал, что писатель лишь нечаянно угодил «Мужиками» (1897) сторонникам идеи превосходства города над

деревней и оригинально ответил на их похвалы: «издал “Мужиков” отдельной книжкой вместе с другим рассказом, “Моя жизнь”, в котором городская культура изображалась в своём роде ещё более мрачными красками, чем деревенская...» [15, с. 354]. Действительно, Чехов не противопоставляет деревенский уклад жизни городскому. Безусловно, русская провинция дала ему широчайший и разнообразный материал для художественных обобщений. Провинциализм в конце XIX в. являлся доминирующим образом жизни русского общества и уже поэтому привлекал внимание писателя. К тому же черты определённого образа жизни в провинции проявляются чётче, чем в столице. Именно в провинции возникают социальные феномены, которые со столичной точки зрения кажутся отклонением от господствующих форм бытия, хотя на самом деле являются именно чистым проявлением этих форм, которые привлекательными никак не назовешь. И в этой связи не важно, столичный это город или провинциальный. Скажем, герои «Дамы с собачкой» (1899) в равной степени погружены в повседневную пошлость и в Ялте, и в Москве, и в городе С. В провинции она просто нагляднее. Первое, что видит Гуров в провинциальном городе, – забор, «серый, длинный, с гвоздями» [21, с. 138]. В лучшем номере гостиницы города С. «весь пол был обтянут серым солдатским сукном и была на столе чернильница, серая от пыли...» [21, с. 137]. Если в провинциальном городе Гуров с ненавистью смотрит на серый забор, то в Ялте он восхищается крымской природой, хотя и ощущает, что эти впечатления ему ни к чему. В Ялте он скучает и, увидев Анну Сергеевну, сразу понимает, что и ей здесь скучно. Гуров был москвичом, и зимняя Москва описана так, как воспринимает её герой: «Когда идёт первый снег, в первый день езды на санях, приятно видеть белую землю, белые крыши, дышится мягко, славно, и в это время вспоминаются юные годы» [21, с. 135–136]. Но вскоре очарование зимней Москвы разрушается: «Какие дикие нравы, незаметные дни!» [21, с. 137]. Дмитрия Дмитриевича теперь так же угнетает привычный быт столичного города, как Анну Сергеевну гнетёт тоска провинциальной жизни. В творчестве Чехова обнаруживается негативное отношение к городской цивилизации, пусть и несколько смягчённое надеждой на медленный, но неизбежный прогресс общественных отношений, который изменит к лучшему жизнь и в городе, и в деревне. Б. Зингерман отметил, что Чехов не любил провинциальный город, скучный, лишённый сколько-нибудь существенных особенностей, и полагал, что «культурные художественные силы традиционно тяготеют в России к двум очагам: столице и усадьбе» [10, с. 334].

К концу века усложняется внутренняя структура русского общества, развиваются промышленность и торговля, растут города, что не заметить и не попытаться осмыслить было уже попросту невозможно. Тип горожанина, «нового кочевника» возникает и в русской литературе. Жизнь города как своеобразного, противоречивого, сложного организма, существующего самостоятельно, по своим законам, вне соотношения с крестьянской культурой, впервые отражена натуралистическим романом, очерком и газетным фельетоном 1880–90-х годов. Романисты-натуралисты и авторы очерков обращались ко многим актуальным темам городского быта, обусловленным эпохой формирования русской буржуазии и вызывавшим острый читательский интерес. Город как воплощение нового, буржуазного уклада жизни возникает на страницах романа П. Боборыкина «Китай-город» (1882). Купеческая Москва, её улицы, площади, торговые ряды описаны с явной симпатией, хотя писатель стремится изгнать из своего произведения всякую тенденциозность и сохранить научную беспристрастность исследователя. Топографически точно, с указанием районов и улиц воссоздана старая столица. Так, в начале романа показана Ильинка и площадь напротив биржи, с её будничной сутолокой, шумами, запахами. Причём автор не забывает упомянуть, что время было дообеденное, день стоял тёплый и солнце определённым образом освещало площадь и улицу: «Вправо оно светило вдоль Ильинки, захватывало вереницу широких вывесок с золотыми буквами, пёстрых навесов, столбов, выкрашенных в зелёную краску, лотков с апельсинами, грушами, мокрой липкой шепталой и многоцветными леденцами. Улица и площадь смотрели весёлой ярмаркой. Во всех направлениях тянулись возы, дроги, целые обозы. <...> Возы и обозы наполняли вокруг всякими испарениями и запахами – то отдаёт москательным товаром, то спиртом, то конфетами. Или вдруг откуда-то долетит струя, вся переполненная постным маслом или луком, или соленой рыбой» [5, т. 1, с. 5–6].

Здесь очень точно передана пестрая цветовая гамма торговой улицы: яркие вывески, балконные решётки, консоли, козырьки над подъездами, полосатые «маркизы» придавали общему колориту улицы невиданную дотоле цветовую насыщенность, яркость и пестроту. Писатель подчёркивает напряжённое движение людей и экипажей. Причём оно здесь не угнетает, как, скажем, в рассказе А. Чехова. Напротив, динамизм картины свидетельствует о жизненной силе торговой Москвы: «Атмосфера города, его социальные противоречия, оживленная городская жизнь городских улиц, наконец, восприятие города современниками получили отражение в конце XIX в. уже не только в русской литературе, но и в тех образах изобразительного искусства, где художники старались уловить вечно изменяющийся облик большого города...» [6, с. 351].

Большинство описываемых событий показаны в романах П. Боборыкина с точки зрения персонажей, в силу чего «всевидение» повествователя ограничивается. Так, как её воспринимает Палтусов, показана не только торговая, процветающая часть города, но и разоряющаяся дворянская Москва: «Каждый раз, как он попадает в эти края, ему кажется, что он приехал осматривать “катакомбы”. Он так и прозвал дворянские кварталы. Едет он вечером по Поварской, по Пречистенке, по Сивцеву Вражку, по переулкам Арбата... Нет жизни. У подъездов хоть бы одна карета стояла. В комнатах темнота. Только где-нибудь в передней или угловой горит “экономическая лампочка”» [5, т. 1, с. 226]. Живая жизнь для П. Боборыкина, как и для центральных персонажей его романа, – не в «катакомбах» дворянской Москвы и не в далёкой деревне, а на торговых улицах, в ресторане, трактире, бирже, банке. Персонажи его романов – преуспевающие банковские деятели, промышленники, удачливые купцы; они органично включены в быт большого торгово-промышленного города. Писатель стремился обнаружить и зафиксировать то, что стало, по его мнению, характерным для нового этапа жизни русского общества.

Не только П. Боборыкин любит рынками и ярмарками, описывает посетителей трактиров и уличных торговцев. Похоже рисуется город в книге А. Бахтиярова «Брюхо Петербурга» (1888), где содержится описание многочисленных петербургских рынков с их товарным изобилием; запечатлён быт скотобойцев, мясников, рыбных торговцев, евреев-старьёвщиков. В таком же очерково-документальном духе отражена Москва, её рынки и ночлежные дома в книге В. Гиляровского «Трущобные люди» (1887) и его большом очерке «Московские нищие» (1896). Очерки расширяли представление читателя о жизни петербургской и московской бедноты, людей, потерпевших поражение в той жестокой конкуренции, которую предлагает всякий крупный город. Но несмотря на то что в этих очерках представлены далеко не самые удачливые городские жители, в них нет противопоставления городской цивилизации какой-то иной. Ведь бродяги и нищие живут в городе, слились с его миром и, если и «кочуют», то в пределах городского пространства.

Тема большого города органично входит в литературу начала XX в. Его особая атмосфера, оживлённая жизнь улиц, рынков и трактиров, ресторанов и ночлежных домов всё полнее отражается в творчестве русских писателей. Так изображён русский провинциальный город в романах «Мелкий бес» (1905) Ф. Сологуба, «Пруд» (1903–1911) А. Ремизова и др. Здесь, как и в чеховских рассказах и повестях, картины провинциальной жизни неприглядны. На первых же страницах романа Ф. Сологуба описаны «немощённые, пустынные улицы, заросшие лежачею мешанкою и жерухою, затоптанною в грязи» [17, с. 33]. В таком городе трудно жить, и не случайно Передонов думает: «Это – нехороший город, и люди здесь злые, скверные; поскорее бы уехать в другой город...» [17, с. 187]. Не менее выразительна зарисовка города в романе А. Ремизова: «Слякотное небо, слякотные улицы, будто тифозные...» [16, с. 91]. В этих романах нет развернутых описаний облика города, однако городской пейзаж весьма выразителен: грязные кривые улочки, немощённые площади, запущенные бульвары. Дома выглядят удручающе: некрасивые, ветхие, облупившиеся, неухоженные... В центре города расположена церковь (или монастырь, как в «Пруде»), но храм лишён истинной святости, а городское пространство – благодати. В городе есть пивные, бильярдные, «весёлые дома», гимназия, базары, магазины, театр. Однако на всём этом лежит отпечаток ущербности, ненужности, случайности. Так видят город персонажи романов, так воспринимает его читатель. На смену развёрнутым описаниям натура-

лирического романа пришли краткие экспрессивные характеристики городского пейзажа, детали его психологизированы, даны в восприятии персонажа, осложнены символическими значениями.

Рельефно запечатлён провинциальный бытовой уклад и в «Серебряном голубе» (1909) А. Белого. Говоря о городе Лихове, писатель широко использует приёмы иронической и сатирической деформации действительности. В центре Лихова – огромные лужи, свиньи, грязь, где на ночь спокойно устраивается пьяный обыватель. Когда наступило утро, «какая-то баба, с высоко задранной юбкой, смело шагала по колено в воде...» [3, с. 434]. Лихов тонет в грязи и задыхается в пыли, когда припекает солнце. Здесь с лихорадочной быстротой сгорают дни и ночи, и тревожно и неуютно живётся обывателям: «скучно им, душно им, тяжело им...» [3, с. 436]. Город случаен и неестественен, возникает и пропадает, как наваждение, мираж: «обернись – только пыльная мгла на том месте, где Лихов; будто никакого такого не бывало Лихова» [3, с. 436]. Кажется, что кочевником является не только городской житель, но и сам город не укоренён в российской действительности. Конечно, при всей бытовой, физиологической пластичности «Серебряный голубь» далёк от натуралистического этнографизма, и ни в одном из романов А. Белого мы, разумеется, не найдём обстоятельных описаний города, как в бытописательской беллетристике. Повествовательная система «Серебряного голубя» вбирает в себя элементы сказа: об уездном городе рассказывает его житель, что даёт возможность представить Лихов в зримых, колоритных очертаниях. Вместе с тем сказ совмещается в романе с повествованием, в котором непосредственно проявляется авторская субъективность, формирующаяся в читательском восприятии российской действительности как нецельной, лишённой истинной общности. А. Лавров совершенно верно полагает, что уездный «город Лихов в “Серебряном голубе” и мгlistый, туманный, призрачный столичный “европейский”, фантазмагорический, бредовый Петербург в трактовке Белого – лишь личины, пугающие маски, заслоняющие подлинный лик России» [12, с. 278].

У А. Белого, как и в прозе других символистов, доминирует субъективное видение мира, ясно проявляется позиция художника, описания городского быта окрашивают авторская модальность. В свете этого мировидения не только провинциальный город, но и обе столицы предстают как нечто неистинное, неподлинное, болезненно-искажённое. Как замечает Ж. Нива, читая «Петербург» (1911–1913), не следует забывать о зле, «исходящем от самого города, демонический основатель которого, Пётр, ходит между столами в трактире и является в кошмарных видениях Дудкину...» [11, с. 120]. Фантастический, бредовый образ города окрашивает определённым настроением весь текст романа, в нём возникают проспекты, летящие в никуда, по ним течёт толпа, «людская многоножка», в которой человек всегда одинок. Громадный город – холодный, каменный, серый, увитый всюду проникающим туманом, давит на человека, обезличивает его, делает несчастным. Петербург сам в себе копит энергию того взрыва, который его разрушит. Через субъективное восприятие автора-повествователя преломляется и образ древней столицы в романе «Москва» (1926). Она представляется то в виде старухи, прядущей свой чулок, в котором каждая нить – это человеческая судьба, то в образе большой чахотки, конец которой близок и неизбежен. Этот образ и становится смысловой доминантой романа... И здесь, как и в Петербурге, реальность искажалась, «смешалась, перекорячилась». Бред возникает не из дробящихся перспектив проспектов, а свивается из узких переулков, поэтому древний город кажется огромной опухолью, «проплетенною сплошною переулочною сетью» [4, с. 8]. Москва 10-х годов, заражённая всеобщей готовностью к смуте, таила гибель в самой себе и так же отторжена была от истины и любви, как и северная столица.

А. Белый, как и его ближайшие литературные предшественники, стремился уйти от неистинного, искажённого бытия, которое воплотилось в современном городе, к настоящему и подлинно духовному. В этой связи чрезвычайно значима для А. Белого фигура Л. Толстого, которая в свете его историософской концепции приобретает провиденциальное значение, а Ясная Поляна и Астапово становятся символами нравственного и духовного очищения: «Не Петербург, не Москва – Россия; Россия – не Скотопригоньевск, не городок Передонова, Россия – не городок Окуров, не Лихов, Россия – это Астапово, окружённое про-

странствами; и эти пространства – не лихие пространства: это ясные, как день Божий, лучезарные поляны» [2, с. 278]. А Белый по-своему ищет спасительный путь для России, цивилизация которой должна органически объединить начала «почвенничества» и «западничества». И русский город оказывается на пути поиска героев его повестей и романов той точкой, в которой сходились разные культурные влияния, концентрировались трагические противоречия бытия.

Оппозиции «город–деревня», «город–усадыба», «город–природа» вновь и вновь возникают в русской литературе, однако в их патриархальном, «почвенническом» истолковании перестают быть актуальными на рубеже XIX–XX вв. Это одна из тех многочисленных идейных переоценок, которые происходили в культуре переходной эпохи. Город играет всё более значительную роль в жизни России, что и находит отражение в литературе, где его образ становится все более сложным, многогранным, психологически тонким и точным.

Список использованных источников

1. Аксаков К.С. Обзорение современной литературы: / К.С. Аксаков // Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика. – М.: Современник, 1983. – С. 228–237.
2. Белый А. Трагедия творчества. Достоевский и Толстой / А.Белый. – М.: Мусагет, 1911. – 46 с.
3. Белый А. Сочинения: В 2 т. / Андрей Белый. – М.: Худож. лит., 1990. – Т. 1. – 669 с.; Т. 2. – 702 с.
4. Белый А. Москва: роман / Андрей Белый. – М.: Сов. Россия, 1989. – 776 с.
5. Боборыкин П.Д. Собрание романов, повестей и рассказов: В 12 т. / П.Д. Боборыкин. – СПб.: А.Ф. Маркс, 1897.
6. Борисова Е.А. Архитектура и город / Е.А. Борисова // Русская художественная культура второй половины XIX века. – М.: Наука, 1988. – С. 274–322.
7. Вебер М. Город / М. Вебер // Избранное. Образ общества; пер. с нем. М.И. Левиной. – М.: Юрист, 1994. – С. 309–446.
8. Гачев Г.Д. Национальный образ мира / Г.Д. Гачев. – М.: Сов. писатель, 1988. – 445 с.
9. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: В 15 т. / Ф.М. Достоевский. – Л.: Наука, 1988–1991.
10. Зингерман Б. Пространство в пьесах Чехова / Б. Зингерман // Взаимосвязь искусств в художественном развитии России второй половины XIX в. Идеиные принципы. Структурные особенности. – М.: Наука, 1982. – С. 298–351.
11. История русской литературы. XX век. Серебряный век / под ред. Ж. Нива, И. Сермана, В. Страды, Е. Эткинда. – М.: Прогресс; Литера, 1995. – 704 с.
12. Каронин (Петропавловский Н.Е.). Собрание сочинений: В 2 т. / Каронин (Н.Е. Петропавловский). – М.: Типо-литография В. Рихтер, 1899.
13. Короленко В.Г. Собрание сочинений: В 10 т. / В.Г. Короленко – М.: ГИХЛ, 1953–1956.
14. Лавров А.В. Андрей Белый в 1900-е годы. Жизнь и литературная деятельность / А.В. Лавров. – М.: Новое литерат. обозрение, 1995. – 335 с.
15. Михайловский Н.К. Литературная критика: Статьи о русской литературе XIX – начала XX века / Н.К. Михайловский. – Л.: Худож. лит, 1989. – 605 с.
16. Ремизов А. Избранное / А.Ремизов. – Л.: Лениздат, 1991. – 608 с.
17. Сологуб Ф. Голодный блеск: Избранная проза / Федор Сологуб. – К.: Дніпро, 1991. – 510 с.
18. Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 22 т. / Л.Н. Толстой – Л.: Худож. лит., 1981–1984.
19. Успенский Г.И. Собрание сочинений: В 9 т. / Г.И. Успенский – М.: Худож. лит., 1955–1957.
20. Фатеев С.П. Руссоизм в русской литературе XIX века: проблема «человек и город» / С.П. Фатеев // Ielkie miasto. Czynniki integrujace i dez integrujace. – Ldz: Wydawnictwo Uniwersytetu Lodzkiego, 1995. – С. 149–181.
21. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. / А.П. Чехов. – М.: Наука, 1974–1983.

22. Шпенглер О. Закат Европы / О. Шпенглер // Самосознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе: Сб. Т. 2. – М.: Политиздат, 1991. – С. 15–158.

Розглядається, як зображено місто в російській літературі другої половини XIX – початку XX ст. у співвідношенні з селом. Простежуються основні тенденції розвитку цієї теми.

Ключові слова: місто і людина, місто і село, місто і садиба, протиріччя епохи, позиція письменника.

It is concerned the description of a town in Russian literature of the second half of the XIX – beginning of the XX century in accordance with a village. The main tendencies of this theme development are under the view.

Key words: town and a person, town and village, town and country estate, the epoch contradictions, the author's viewpoint.

Одержано 1.10.2013.